

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

A movie poster featuring a man and a woman in a rural setting. The man, on the left, has a beard and is wearing a light-colored, patterned shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a blue denim jacket over a red scarf. They are standing in a field with a wooden fence in the background. A horse is visible on the left, and a cow is on the right. A black medical case with a white cross and a bull's head logo is on the ground. The background shows a sunset over a river and hills.

**УПРЯМАЯ ДОКТОРША
ДЛЯ СТЕПНОГО
МУЖИКА**

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Упрямая докторша
для степного мужика**

<https://litres.ru/74554163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Столичный генетик Инна Воронова приезжает в оренбургскую степь для паспортизации племенного стада. Но вместо скучной командировки её ждут схватка с разъярённым быком, степной пожар, волчья стая и бандитский налёт. А ещё — суровый управляющий Макар Степнов, который не привык подчиняться. Городская «фифа» и степной богатырь постоянно спорят, но опасности сближают их. Сможет ли упрямая докторша растопить сердце дикого мужика? Страсть, риск и неукротимая степь — в захватывающем любовном романе!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер

Упрямая докторша

для степного мужика

Упрямая докторша для степного мужика

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1

Я толкнула тяжелую дверь казенного «Патриота». Раскаленный капот глухо щелкал остывающим железом, словно отсчитывал последние секунды моей прошлой, предсказуемой жизни. Степной суховея тут же хлестнул в лицо шершавой волной, швырнув в глаза пригоршню въедливой бурой пыли. Воздух здесь был густым, плотным, настоящим на каленной глине, перетертой в порошок горькой полыни и терпком духе сотен голов скота. За пятьсот километров от Самары, на краю Оренбургского Предуралья, сентябрь выжигал траву до белизны кости. До плоского горизонта тянулось белесое море ковыля. Над крышами ранчо «Степное» дрожало высокое марево.

Я крепче перехватила титановую ручку кейса «Pelican». В черном виброзащитном кейсе, в неопреновых гнездах, лежали портативный ДНК-секвенатор и считыватель микрочипов — прибор стоимостью в две столичные квартиры. И моя научная репутация, и право Всероссийского института генетики на аккредитацию этой степной глуши лежали сейчас в этом чемодане, за который я отвечала личной подписью.

Перед высокими воротами из ошкуренных лиственничных бревен дорогу мне преградили двое. Скотники были кряжистые, в засаленных войлочных безрукавках и широких соломенных шляпах. В руках они держали пятирожко-

вые навозные вилы, скрещенные перед радиатором машины.

— Куда прешь, городская? — сипло бросил старший, сплевывая сквозь зубы желтую слюну. — Ворота на запоре. Хозяин велел чужих с колес не пускать. А бабам с чемоданами тут не ярмарка. Разворачивай колымагу, пока колеса целы.

Я резко щелкнула замком жесткой папки и сунула под обветренный нос скотника ламинированный лист с гербовой печатью.

— Старший научный сотрудник Института генетики Воронова Инна Сергеевна, — отчеканила я голосом, от которого младший скотник выпрямился. — Распоряжение Министерства сельского хозяйства о проведении внеплановой генетической паспортизации племенного ядра. Ваш отказ я передам вместе с актом проверки в министерство. Уберите инструмент, пока я не внесла отказ в протокол.

Мужики дернулись, ошалело переглянулись. Младший торопливо опустил зубья в пыль, а старший только крикнул и нехотя толкнул бревенчатую створку:

— Ишь ты, грамотная... Ну ступай к весам. Там тебе Захар быстро спесь собьет.

Я подхватила пятнадцатикилограммовый кейс и зашагала по утопанному тысячами копыт глиняному плацу. Пыль поднималась от подошв, оседая серым налетом на моих брезентовых брюках и тяжелых кожаных ботинках.

У деревянного раскола — длинного дощатого коридора

для взвешивания скота — меня поджидал старик в казачьей фуражке с выцветшим алым околышем. Он методично лузгал семечки, щелкая ими с сухим треском, и шурил выцветшие глаза:

— Генетика, говоришь? — скрипуче ухмыльнулся он, оглядывая меня с ног до головы. — Породу скотины, девонька, определяют дедовским глазом, ладонью по крестцу да зубами в пасти. Ежели у быка стать паровозная, грудина в два обхвата — он и есть племзавод. А твоими стекляшками только мух на кизяке пугать.

Я поставила кейс на угол весового стола и холодно посмотрела старику прямо в переносицу:

— Ваш дедовский глаз не способен разглядеть мутацию карликовости и летальный дефект белка. Из-за таких ошибок в соседнем районе сорок чистопородных телят родились с тяжелыми пороками конечностей и легли в солому. Я возьму кровь и проверю племенное ядро по генетическим маркерам. Внешность здесь половина дела. Если ранчо готово потерять субсидии ради ваших предрассудков — щупайте зубы дальше. Мне нужен управляющий. Где Степнов?

Старик поперхнулся шелухой. За его спиной хлопнула дверь мастерской.

Из полумрака приземистой шорной мастерской, пахнувшей дегтем, кожей и конским потом, неслышно выступил человек.

Дыхание перехватило. На плац шагнул гигант далеко за

метр девяносто ростом. Холщовая рубаша была расстегнута на мощной мускулистой груди, тяжелые яловые сапоги ступали по каленой глине с упругой, хищной бесшумностью волка. Лицо с резкими скулами выгорело до цвета темной меди, а в янтарно-карих глазах светился интерес: он разглядывал меня, пока Захар кашлял. Через широкое плечо был переброшен сыромятный аркан.

— Будет тебе, Захар, — раздался низкий, бархатный бас, заставивший что-то дрогнуть у меня внутри. — Доктор дело говорит. Наука нынче дорогая штука.

Он подошел вплотную. От него пахло раскаленным ветром, кожей, свежей полынью и первобытной мужской силой. В огромной ладони он держал глиняную кружку, покрытую ледяной росой.

— Пей, Инна Сергеевна, — он протянул мне кружку. — Квас домашний, с ледника, на мяте. В степи суховея мозги сушит быстрее, чем регламенты дочитаешь. Пей и в дом пойдем, смоешь дорожную копоть. Наговориться успеем.

Я потянулась к холодной кружке и тут же спрятала ладонь под локоть. Он предлагал перемирие на своих правах, но я привыкла держать удар.

— Я приехала работать, Макар Данилович, а не распивать квас в тени, — я скрестила руки, игнорируя кружку. — Солнце в зените, а образцы после забора нужно сразу убрать в холод. Начнем с главного производителя. Где бык Гром?

Степнов поставил кружку на стол. Янтарные глаза едва за-

метно сузились:

— Ретивая. С колес — и сразу в пекло. Ну гляди сама, потом не жалуйся.

Он зашагал к центральному корралю, огороженному вековыми лиственничными бревнами. Я подхватила кейс и двинулась следом.

В этот момент бешеный порыв суховея сорвал с крыши солому и взметнул стену колючей песчаной пыли. Я едва успела прижать чемодан к животу, натягивая на клапаны защитный силиконовый кожух.

— Если на вашем ранчо нет ветрозащитных экранов — распорядитесь поставить щиты! — крикнула я сквозь гул бури. — Песок забьет прецизионную оптику!

— За ветром в степь не бегают, доктор, — бросил Макар через плечо. — Здесь тебе не лаборатория. К земле привыкать надо.

Он поднялся на помост ветеринарного станка. Я взлетела по дощатым ступеням следом, на ходу доставая считыватель меток.

— Назад! — рявкнул Макар, перекрывая узкий настил широкой грудью.

— Не командуйте мной, Степнов! — вскинулась я. — Я должна подойти к станку!

— Сказал — назад, Инна! Перед грозой суховея с солончаков дует, воздух наэлектризован. Гром со вчерашнего вечера брус крошит, почуял чужой запах. Близо к жердям

подходить — верная смерть.

— Я отвечаю за эту аттестацию головой! Отойдите!

Я сделала упрямый шаг вперед, пытаюсь обойти его вдоль поручня.

Макар молниеносно выбросил руку и перехватил мое запястье. Его мозолистые пальцы сомкнулись стальным капканом — плотно, бережно; я дернула кисть и осталась на месте. По коже разлился жар его ладони — сухой, тяжелый, обжигающий. Волна первобытного электричества прокатилась от точки прикосновения к самому сердцу.

— Руки уберите, управляющий. Вы не в казарме.

Макар медленно разжал пальцы, но во взгляде вспыхнул жгучий мужской интерес:

— Характер у тебя чистый кремний, доктор. Только быку на твою броню плевать.

Я стиснула зубы и достала спиртовую салфетку, чтобы протереть стекло оптического датчика. Резкий медицинский запах изопропила сорвало ветром и бросило в загон.

В ту же секунду из пыльного сумрака корраля донесся инфернальный, низкий гул. Доски помоста под нашими ногами задрожали от тяжелых ударов копыт.

Из пыльного марева выступала живая гора литых мышц. Бык-производитель Гром — колосс вишнево-бурой масти весом за тонну, с ослепительно белой кудрявой головой и косяными рогами в полтора метра размахом. Правый глаз гиганта был налит багровой кровью, веко воспалено, а из раз-

дутых ноздрей со свистом вырывался пар.

— А ну шугай его! Лопатами гремите! — в панике заорал Захар.

Трое пастухов принялись колотить черенками лопат и вил по железу ворот, поднимая дикий звон.

— Заткнитесь! — крикнула я во весь голос. — Не смей шуметь! Вы провоцируете лобовую атаку!

Гром замер в четырех метрах от ворот, яростно роя глину передним копытом. Я вскинула считыватель, поднося его к уху зверя, и нажала кнопку. Ветер толкнул мое запястье, и корпус прибора стукнул по железному поручню прямо над мордой быка.

Гром издал оглушительный рев, присел на задние ноги — и сорвался с места.

— Ложись! — крикнул Макар.

Тонный исполин с разгона ударил лбом в створ ворот. Раздался чудовищный пушечный треск: пересушенный сучок в пятидюймовой балке лопнул, кованые петли с визгом вырвали из листовенничных столбов. Дубовая створка разлетелась веером щепок, и зверь вырвался на открытый плац.

Пастухов смело с помоста, как солому. Меня сбросило с нижней ступени на плац. Захар скатился в траву, скотники взлетели на крышу мастерской. Макар метнулся в узкий проулок за ней.

А я осталась на открытом пространстве прямо на линии несущейся лавины. Кейс отлетел в сторону. Бежать к наве-

су через пятнадцать метров глины было самоубийством: бык настиг бы меня за две секунды.

Гром шел на таран, нацелив смертоносный правый рог точно мне в живот. Я видела каждую вену на его морде, пену на губах и бешеный огонь в багровом глазу. До удара осталось два метра.

Гром опустил голову. Теперь он шел прямо, всей массой, и развернуться сразу ему было трудно.

Я сделала резкий, низкий выпад вправо по диагонали — навстречу зверю, сойдя с линии удара за долю секунды до столкновения.

Черный полированный кончик рога распорол воздух в сантиметре от моей ветровки. Край ветровки зацепился за рог и затрещал; я рванулась в сторону, устояв на широко расставленных ногах.

Гром пролетел мимо, зарываясь копытами в пыль, и тут же начал заносить массивный круп для разворота. Я оказалась перед дубовой коновязью — толстым бревном, вкопанным между двумя столбами. Спрятаться было негде.

Одним движением я сорвала с шеи алый шелковый платок, широко взмахнула им и швырнула прямо на поперечину коновязи.

Движение трепещущего платка притянуло ярость зверя. Гром с размаху вонзил рога в бревно, раскалывая его вдоль. Коновязь содрогнулась, и правый рог быка намертво заклинило в расщепе волокон дуба.

Я выиграла три драгоценные секунды.

Но зверь был неукротим. С натужным хрипом Гром рванул голову назад: сухое дерево лопнуло с выстрелом, и бык с куском древесины на роге развернулся ко мне. Я уперлась спиной в угловой столб корраля. Бык присел на круп, собирая силы для последнего броска.

И тут земля под моими ногами задрожала от тяжелого грохота подков.

Глава 2

Из узкого проулка стрелой вылетел исполинский вороной тяжеловоз Буран. В высоком казачьем седле, стоя на стременах во весь свой гигантский рост, летел Макар Степнов. Над его головой со зловещим гулом бешено вращалась петля тяжелого сыромятного аркана.

Макар направил летящего во весь опор коня прямо наперез разъяренному быку.

Буран прошел поперек плаца, отрезая быку прямую дорогу ко мне. Гром повернулся вслед за ним; копыта вороного выбили комья глины у поверженного столба.

Шквал суховея ударил сбоку, паруся тяжелый канат. Но Макар на самом краю равновесия кистевым движением погасил паразитное вращение, перехватил узел и с математической точностью метнул петлю.

Сыромять со свистом захлестнула основание костяных рогов Грома. Макар в три оборота накинул ходовой конец на переднюю дубовую луку казачьего седла.

Бык рванулся вперед. Чудовищная инерция натянула аркан, грозя вывернуть дубовую луку и опрокинуть коня вместе со всадником.

— А-а-аргх! — издал Макар гортанный степной клич.

Буран отозвался на клич: осадил, уперся задними ногами и пошел в сторону, натягивая аркан поперек бычьего рывка.

Канат натянулся. Грома развернуло к уцелевшему столбу; передние ноги заскользили в изрытой глине.

Сыромять со скрипом скользила по луке. Макар стравил немного каната, увел Бурана за столб и набросил на бревно свободную петлю.

Когда столб принял натяжение, Макар выдернул ноги из стремян и спрыгнул на землю. Сапоги прочертили в пыли глубокие борозды. Он выбрал свободный конец аркана и закрепил его ниже, удерживая голову Грома у бревна.

Гром взревел и рванулся от столба. Петля удержала голову, передняя нога попала в расщепленное бревно. Макар в один прыжок сократил дистанцию, ушел от бокового взмаха рога и всем весом навалился на бычий затылок, помогая завалить зверя на бок.

Земля содрогнулась. Тонный великан с глухим стоном рухнул на бок в клубы пыли. Макар опустился у его головы, уперся коленом в землю и прижал рог к глине; натянутый к столбу аркан удерживал второй.

Задние ноги быка бешено молотили по воздуху. Буран шарахнулся в сторону.

Я подхватила с земли плетеный корд от разорванного недоуздка и обогнула Бурана. Сбоку от бычьего крупа забросила широкую петлю на задние ноги, отскочила от копыт и подтянула корд к комлю уцелевшего столба. Макар крикнул, когда можно затянуть узел.

Бык дернулся последний раз и затих, лишенный опоры.

Из-под его туши вылетел сноп острых комьев глины прямо мне в лицо.

Макар прижал рог крепче и подался вперед, закрывая меня широким плечом. Острые комья с глухим стуком ударили в его холщовую рубаху.

Его лицо оказалось в десяти сантиметрах от моего. Он тяжело, прерывисто дышал. По бронзовой скуле стекала струйка пота, смешанная с пылью, а янтарные глаза смотрели с такой неистовой глубиной, что мир вокруг замер. В звенящей тишине оседающей пыли мое сердце колотилось так, что каждый удар отдавался в ушах.

— Цела, доктор? — хрипло выдохнул он, обжигая губы горячим дыханием.

— Цела... Держи его, Степнов. Не отпускай.

На плац наконец высыпали опомнившиеся скотники. Захар нес двустволку-утятницу; скотник следом за ним волок тяжелые путы.

— Отойди, Макар! — заорал старик, взводя курки. — Бешеный он! Пристрелю черта прямо в лоб, да на комбинат на тушенку сдадим! Не бык это — людоед!

— Опусти ружье, старик! — я встала между ружьем и мордой лежащего зверя. — Только тронь — под суд пойдешь за уничтожение племенного фонда! Он не бешеный, он болен!

Макар прикрикнул:

— Инна, отойди от рогов! Дернется — переломит!

— Затяните путы! Тогда подойду!

Когда скотники закрепили ноги, я раздвинула слипшуюся шерсть у правого уха Грома. Вокруг старой латунной бирки вздулся багровый, горящий желвак размером с кулак, сочащийся сукровицей с гноем.

— Смотрите сюда! Ему загнали клипсу сквозь хрящевой шов, начался гнойный хондрит и некроз! Каждое движение ухом отдавало адской пульсирующей болью прямо в височную кость. Суховой и ваш грохот лопатами свели его с ума. Он не людей убивал — он от боли спасался!

Мужики притихли. Захар медленно опустил стволы:

— Бирковали-то по весне... районный ставил...

— Коновал ваш районный! — отрезала я.

Нурлан принес от весов мой кейс. Я достала считыватель и поднесла к левому, здоровому уху. Прибор пискнул; на экране открылась привязанная к метке карточка:

Казахская белоголовая. Линия: Король Степей. Племенной статус подтвержден.

— Читайте, Степнов. Карточка из реестра. Прямая линия Короля Степей до десятого колена. Этот бык — национальное достояние, а вы его из утятницы пустить хотели!

У Макара вырвался долгий, тяжелый выдох. В его глазах вспыхнуло безмерное облегчение:

— Живой... Спасибо, Инна.

— Рано благодарить. Держи крепче, я сниму клипсу и возьму пробу.

Я достала вакуумную иглу и пробирку. На натянутой шее нащупала яремную вену. Гром всхрипнул, вена ушла вглубь мышц.

— Спокойно, — негромко сказал Макар.

Он опустился рядом со мной в пыль. Его широкая, горячая ладонь накрыла мою кисть. Твердо, но удивительно бережно он нажал на желоб, и вена послушно вздулась упругим валиком:

— Давай, Инна. Я держу.

Под его несокрушимой опорой игла плавно вошла в вену. Прозрачную вакуумную колбу мгновенно заполнила густая, темно-вишневая кровь.

Затем я обезболила ухо, перекусила кусачками старую клипсу и промыла канал антисептиком. Гнойный сгусток вышел наружу. У Грома впереди были обработка раны и лечение; сейчас мы убрали хотя бы источник мучительного натяжения.

Гром издал протяжный вздох, опустил голову на подброшенную Захаром солому и прикрыл глаза. Я прислушалась к его дыханию и велела скотникам побыть рядом.

Я попыталась подняться, но колени подогнулись от пережитого напряжения.

Сильные руки Макара тут же подхватили меня под локти и легко, словно пушинку, подняли на ноги, придерживая за талию. Он смахнул серую пыль с моих плеч и повернулся к застывшим скотникам:

— Видали, мужики? Вот это ученый. Вот это хватка. Звёра спасла и правду доказала. Шапки снимите перед доктором!

Захар первым стянул фуражку и низко поклонился, скотники торопливо сдернули шляпы.

— Макар Данилович! Створка! — истошно закричал с раскола Нурлан.

Я резко обернулась и почувствовала, как внутри все похолодело.

Мой открытый кейс остался у весов, под краем металлической эстакады: я отнесла его туда после забора пробы. Железный пандус обжигал ладонь даже сквозь брезентовую ветошь — термополоска на корпусе уже наливалась ярко-желтым. Холодовой вкладыш нагрелся; реагенты пора было убирать в ледник. А прямо над прибором накренилась сорванная двухсоткилограммовая дубовая створка, висевшая на одном погнутом крюке.

— Ферменты! — крикнула я, бросаясь вперед. — Воду несите!

В этот миг запертый годовалый бычок боднул решетку изнутри. Кованый крюк лопнул. Тяжелая створка сорвалась вниз — прямо на меня.

Макар сбил меня плечом с линии падения, а сам вскинул руки и принял страшный удар дубового массива на свои плечи и спину.

У него вырвался сдавленный стон. Мускулы вздулись ка-

натами, колени подогнулись, но он держал створку на весу, не давая ей раздавить нас.

— Инна... забирай ящик... долго не удержу... — прохрипел он сквозь сжатые до крови зубы.

Я огляделась в поисках упора. Рядом валялась сухая дубовая слега — трехметровый рычаг толщиной в мужскую руку.

Я схватила тяжелое бревно обеими руками, вогнала его конец под нижний брус створки и всем весом навалилась на рычаг, создавая упор о фундамент.

Нагрузка перераспределилась. Макар хрипло втянул воздух, подхватил нижний край створки:

— Взяли!

Совместным усилием — его богатырская мощь снизу и мой рычаг сверху — мы перевалили створку, и массивная конструкция с грохотом рухнула в пустой отсек.

Я обессиленно села на горячую глину. Правая ладонь горела огнем: острая дубовая щепка глубоко распоролa кожу, кровь капала на камни.

Макар опустился передо мной на колено. Он тяжело дышал, рубаха на спине была разорвана, но смотрел он только на мою руку.

— Ну какая же ты упрямая... — негромко, с щемящей нежностью прошептал он.

Он осторожно взял мою ладонь в свои огромные пальцы. Нурлан подал ковш с колодезной водой. Макар бережно омыл рану, касаясь меня как драгоценного хрусталя, достал

чистую льняную ленту из раскрытой аптечки и ловко перевязал руку:

— С ума сошла, доктор... О себе бы подумала.

— Прибор казенный, Степнов, — улыbnулась я, глядя в его янтарные глаза. — Да и ваши плечи ранчо еще пригодятся.

Он тихо, хрипло рассмеялся, продолжая держать мои пальцы в своей ладони чуть дольше, чем требовала перевязка.

— Захар! — крикнул Макар, поднимаясь и подхватывая мой кейс. — Открывай ледник!

Мы спустились под навес мастерской, где в каменном полу виднелась крышка погреба. Захар откинул створку. Из глубины пахло хрустальным холодом.

В глубоком подвале, обложенном диким песчаником, лежал пласт речного льда с опилками. Макар установил кейс на деревянный настил. Мы подождали у открытого кейса, пока термометр показал плюс четыре градуса. Биоматериалы и секвенатор были спасены.

Пока я раскладывала пробирки и проверяла аппарат, солнце спустилось к крышам. Когда мы выбрались наружу, полуденный зной сменился мягким предвечерним золотом. Степь окрасилась в охристые и лиловые тона. Суховой стих, пахло полынью, остывающей землей и березовым дымом.

Нурлан принес просторную льняную куртку Макара. Сухая ткань пахла солнцем, мятой, дегтем и конским потом.

Макар встряхнул ее и бережно набросил мне на плечи, укрывая от вечерней прохлады:

— Всё, отвоевалась на сегодня, Инна. Пошли в дом. У нас баня с полынным паром затоплена, а на плите шулюм из говядины поспел. Смывать степную пыль будем.

Я притянула к себе края его куртки. После этой схватки больше всего на свете хотелось горячей воды — и чтобы он снова назвал меня по имени.

Глава 3

Я запахнула куртку Макара и шагнула в сени усадьбы. За спиной глухо стукнула дверь, отсекая ветер и голоса скотников. Сумерки опускались на оренбургскую степь стремительно, словно кто-то накрыл раскаленный купол неба темно-синим шелком.

В рубленых сенях пахло теплым деревом. Каждая мышца в теле ныла тупой, свинцовой болью. На моих плечах лежала тяжелая льняная куртка Макара. Она хранила тепло его могучего тела и пахла сухой мятой, смолистым дегтем и конским потом — надежным запахом мужчины, за спиной которого можно было укрыться от любой бури. Правая ладонь под чистой льняной повязкой пульсировала глухим жаром, а лицо и волосы были покрыты тонким налетом въедливой бурой пыли.

Дверь из предбанника скрипнула, и клубы густого пара, пахнущего распаренной полынью, донником и липовой корой, вырвались мне навстречу. На пороге возникла дородная, широкоплечая женщина лет пятидесяти с цепкими, но теплыми серыми глазами — Клавдия Матвеевна, хозяйка усадьбы.

— Батюшки... — всплеснула она руками, оглядывая меня. — Чистая каторжанка! Вся в глине, в копоты, рука в кровище. Ну, Макарка, ну сорванец, загнал девку в первый же

день! А ну скидывай куртку, милая. Снимай все до нитки.

Я попыталась расстегнуть молнию своей полевой ветровки, но одеревеневшие пальцы соскользнули. Шнуровка тяжелых ботинок спеклась с солончаковой грязью в сплошной окаменевший монолит. Тело мелко дрожало от пережитого шока.

— Не суетись, — Клавдия решительно отстранила мои руки, усадила на широкую липовую лавку и ловко подцепила комья глины тупым ножом. — Степь из тебя всю столичную спесь вытрясла. Ничего, у нас баня особая. Сейчас заново на свет родишься.

Она стянула с моих гудящих ног ботинки, помогла снять покрытую пылью синтетику и сунула мне в руки глиняную кружку:

— Пей до капли. Тут душица, чабрец и ложка донникового меда. Кровь согреет, сердце успокоит.

Горячий отвар прокатился по пищеводу мягкой терпкой волной, снимая спазм в горле.

Клавдия распахнула низкую дверь в парную. Влажный жар ударил в лицо. Забитые степной пылью бронхи тут же свело приступом удушливого кашля.

— Погоди, посиди внизу, — скомандовала хозяйка и распахнула дверь пошире. — Продышись сначала.

Она дала мне мокрое полотенце. Я вытерла лицо и посидела у открытой двери, пока кашель стих. Тогда Клавдия помогла мне лечь на нижний полоч, на чистый льняной холст.

Клавдия зачерпнула из шайки настой серебристой полыни и мелкими брызгами оросила раскаленные кварцитовые валуны каменки. Камни отозвались мягким, утробным шипением. По парной поплыл обволакивающий, бархатный пар, пахнувший горькой степью и медом.

— Ну-ка, расслабь лопатки, — раздался ее голос.

Она взяла два тяжелых дубовых веника, обмакнула их концы в теплую воду и подняла под потолок, захватывая самый жар. Первые удары легли на поясницу — мягкие, компрессионные, припечатывающие. Хлесткий жар дуба проникал в самую глубину забитых мышц. Сведенные после схватки мышцы под левой лопаткой понемногу отпускало. По коже побежали сладкие мурашки, тело налилось невесомой, звенящей истомой.

— А теперь — смывать хворобу! — скомандовала Клавдия.

Она подхватила меня под локоть, вывела через предбанник на открытое бревенчатое крыльцо, нависшее над обрывом, и поддержала, пока я осторожно спускалась в дубовую купель.

Ледяная струя подземного ключа обожгла кожу тысячами иголок. Взрыв эндорфинов пронзил каждую клетку. Я выбралась, жадно хватая ртом прохладный сумеречный воздух, чувствуя себя абсолютно чистой, обновленной и звеняще живой.

В предбаннике Клавдия промокнула меня пушистым

рушником и подала аптечку. Пока я обрабатывала рану и меняла повязку, она откинула крышку старинного дубового сундука.

— Вот, надевай. Племянницы моей праздничная, домотканая. Нечего в казенных синтетиках преть.

Я натянула через голову свободную белую льняную рубаху до щиколоток, украшенную ручной вышивкой обережным крестом по вороту и подолу. Тонкий прохладный лен коснулся обнаженного распаренного тела, даря удивительное, забытое чувство девичьей легкости и защищенности.

— Ну чистая лебедушка, — довольно причмокнула Клавдия. — Пошли в трапезную. Мужики уже ложками гремят.

В просторной избе центральной усадьбы пахло сухим сосновым лесом, березовыми дровами и одуряющим, сытным духом мясного варева. Русская печь дышала ласковым жаром. За длинным столом из мореной лиственницы сидели семеро скотников. Все они были в чистых выглаженных рубахах, с аккуратно причесанными бородами.

Когда я переступила порог, тихий гул голосов мгновенно смолк. Взгляды семерых матерых степняков скрестились на мне.

Я замерла на пороге, смутившись своего босоногого вида и распущенных по плечам влажных волос. Но в следующее мгновение из-за стола поднялся Макар.

Во весь свой исполинский рост. На нем была темно-синяя косоворотка, туго обтягивавшая колоссальный размах

плеч. Влажные после колодезной воды темные пряди падали на бронзовый лоб. Увидев меня, он замер на секунду. В его янтарных глазах вспыхнул такой немой, ошеломленный восторг, что у меня перехватило дыхание.

Макар решительно отодвинул тяжелый дубовый стул по правую руку от себя:

— Проходи к столу, Инна. Ты здесь хозяйка.

Мужики разом поднялись со скамей, склоняя головы в молчаливом приветствии. Лед чужака растаял окончательно.

Я села рядом с Макаром. Он лично взял тяжелый чугуновый половник и наполнил мою глубокую глиняную миску.

Это был настоящий степной шулюм. Янтарный, кристально прозрачный бульон из грудинки герефорда травяного нагула, сваренный на медленном огне с крупными кусками нежнейшего мяса на сахарной косточке, без картошки и томатов, сдобренный лишь диким чесноком и черным перцем.

— Попробуй, Инна, — негромко сказал Макар. — Это мясо наших трав. Оно усталость снимает как рукой.

Я зачерпнула деревянной ложкой горячий бульон. Первый же глоток разлился по телу живительным огнем. Мясо таяло на языке волокнами, отдавая ароматом ковыля и костра.

— Боже... — искренне выдохнула я. — В Москве за такие блюда отдают целые состояния, но там и близко нет такого вкуса.

За столом раздался одобрителный гул пастухов.

Тут старый Захар с хитрым прищуром придвинул ко мне

граненый стакан, до краев налитый мутноватой жидкостью:
— Степной обычай, дочка. Кто тонного быка стреножил
— тот чарку до капли пьет. Или столичная наука крепче чая
ничего не признает?

Мужики затихли, наблюдая за моей реакцией. Я взяла стакан, поднесла к свету керосиновой лампы, слегка качнула и с улыбкой отодвинула обратно старику:

— Полынный? Крепкий, чувствуется даже отсюда. Только после такого стакана пальцы слушаться перестанут. А мне через полчаса аппаратуру настраивать и с пробами работать. Так что самогон оставьте себе, дядя Захар, а мне налейте холодного взвара из шиповника.

Захар крикнул от неожиданности, а молодой скотник Васька тихо фыркнул:

— Ишь, городская фифа, нос воротит...

Захар с грохотом опустил кулак на стол, так что подпрыгнули глиняные миски, и отвесил парню увесистый подзатыльник:

— Заткнись, сопляк! Ты на крышу сортира драпал, когда Гром балку крушил! А девчонка перед рогами встала, платком зверя на дуб увела, а потом свищ гнойный резала, пока ты штаны сушил! Прости старика, Инна Сергеевна. Ты девка со стальным стержнем. Пью за твое здоровье и чистую породу!

Он единым духом опрокинул стакан, и пастухи дружно стукнули кружками о стол.

Я перевела взгляд на стену, где висел рукописный график привесов, и деловито заметила:

— Кстати, о породе. Судя по вашим записям, молодняк отстаёт в наборе массы на пятнадцать процентов. Дайте завтра посмотреть, чем их кормят. Если гоняете только по высушенному ковылю, стоит перевести часть молодняка на житняк и проверить минеральную подкормку. Солянку тоже можно подмешивать, но сначала разберемся с составом и водой. По одному графику весь рацион я вам не назначу.

Макар снял со стены график, провел ногтем по нижней строке и достал из кармана огрызок карандаша:

— Слыхали, мужики? Завтра же пересчитаем нормы. Наука на пользу идет.

После ужина мы с Макаром вышли во двор. Ночная степь дышала прохладой, пахло влажной полынью и березовым дымом.

В гостевом бревенчатом флигеле, пахнущем свежей сосновой стружкой, на широком лиственничном столе стояли мой кейс из ледника и второй ящик с оборудованием, который Макар принес из машины. Над столом качалась керосиновая лампа «летучая мышь».

— Ну что, доктор, запускаем твою чудо-технику? — спросил Макар, открывая замки чемодана.

— Сначала нужно выставить уровень, — ответила я, доставая прецизионную центрифугу.

Но стоило мне поставить прибор на стол и шагнуть назад,

как стойка дрогнула. Доски пола играли, центрифуга покачивалась на ножках. Запускать ее на такой опоре я отказалась.

Макар молча вышел во двор и через две минуты вернулся с массивной гранитной плитой из кузницы и дубовыми клиньями. Забив клинья под ножки стола и уложив камень, он закрепил стол:

— Проверяй. Танком не сдвинешь.

Я проверила положение прибора по уровню и вставила блок питания секвенатора в розетку. Лампочка под потолком заморгала: старый дизель ранчо выдавал дикие перепады от ста шестидесяти до двухсот шестидесяти вольт. Цифровой вольтметр тревожно запищал.

— Выключай! — вскрикнула я, выдергивая шнур. — Напряжение скачет! Так прибор спалим!

— Спокойно, — Макар положил тяжелую ладонь мне на плечо. — Степь электричеством не балует, но голова на плечах есть.

Он принес из мастерской инвертор с аккумулятором, отключил его от зарядки и протянул отдельный удлинитель к моему столу. Я проверила выходное напряжение: двести двадцать вольт. Теперь аппаратура работала от батареи.

Я развернула портативный ламинарный бокс, закрыла экран и обработала ультрафиолетом рабочую зону. Затем выключила лампу, натянула стерильные нитриловые перчатки и пипеткой-дозатором внесла праймеры в микропробир-

ки.

Цикл полимеразной цепной реакции пошел.

После подготовки пробы и первого цикла анализа матовый экран ноутбука озарился цветной спектрограммой аллелей. Я впиалась глазами в график:

Результаты контрольной пробы совпадали с паспортными данными Грома.

— Смотри, Макар, — прошептала я, чувствуя, как от восторга перехватывает дыхание. — По проверенным маркерам все чисто. Результаты совпадают с паспортом казахской белоголовой; хорошая линия, с герефордскими предками. Твой Гром — настоящий алмаз селекции.

Макар склонился надо мной, вглядываясь в светящиеся линии. Его широкая ладонь легла на край стола рядом с моей рукой. Я чувствовала жар его мускулистого плеча, горячее дыхание на своей шее и терпкий аромат его кожи — полынь, родниковая вода и железо. Сердце забилось часто и тяжело.

Я медленно повернула голову. Наши лица оказались в десяти сантиметрах друг от друга. В полумраке флигеля его янтарные глаза горели такой первобытной нежностью и жаждой, что воздух между нами зазвенел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.